

Цзян Янь отнял руку Вэй Цзи, которой тот прикрывал лицо. Лоб Вэй Цзи всё ещё горел, ладони излучали сильный жар, обжигая тыльную сторону ладони Вэй Цзи.

Цзян Янь крепко сжал руку Вэй Цзи и вдруг заметил на внутренней стороне его указательного пальца тончайший шрам едва заметного розоватого оттенка — если не приглядываться, его было вовсе не разглядеть.

Цзян Янь спросил:

— Откуда это?

Вэй Цзи и сам уже не помнил. Подумав немного, он ответил:

— Должно быть, случайно порезался, когда смешивал краски.

Цзян Янь покрутил в пальцах указательный палец Вэй Цзи, оглаживая шрам, похожий на тонкую ниточку на креветке:

— Какая ещё краска?

Вэй Цзи смущенно качнулся:

— Краски для живописи. Ратирал минералы и порезался.

Цзян Янь нахмурился:

— Тебе обязательно самому их растирать?

Вэй Цзи, похоже, не знал, как лучше выразиться, подбирая слова:

— Тот оттенок было трудно смешать, другие пробовали много раз, но всё выходило не то, вот я и решил сам попробовать.

Цзян Янь:

— Ну и нарисовал?

Вэй Цзи был отлично знаком с таким выражением лица: когда младшие братья и сестры дома что-нибудь делали, желая получить похвалу, Цзян Янь смотрел точно так же.

Цзян Янь глядел на Вэй Цзи, и его красивые брови и глаза светились гордостью:

— У меня завитков-кругов больше, мозоли толще, ладонь шире, рука крупнее твоей, да и суставы толще.

Округлые узоры в виде водоворотов на подушечках пальцев назывались кругами, а вытянутые — петлями; вроде как в народе говорят: один круг — к бедности, два круга — к богатству, а три-четыре круга — удача поможет.

Чем больше кругов, тем богаче и знатнее судьба.

Наконец, Цзян Янь уголки губ искривил и гордо произнес:

— У тебя на этой руке две петли и три круга, а у меня одна петля и четыре круга.

С таким видом, будь у него сзади хвост, он бы наверняка вовсю им вилял.

Хотя еще два года назад Цзян Янь знал, сколько у него кругов, теперь он хвастался этим снова.

Вэй Цзи:

— Это не я нарисовал.

Услышав, что рисовал не Вэй Цзи, тот больше ни о чем не расспрашивал, лишь крутил его руку туда-сюда, тщательно осматривая каждый палец.

Закончив считать узоры на пальцах, Цзян Янь принялся сравнивать линии их ладоней. Всё, что оказывалось у него лучше, чем у Вэй Цзи, он непременно озвучивал, и даже мозолям на чужой ладони умудрялся петь дифирамбы.

Цзян Янь увлекся и спросил:

— Где она? Завтра принеси, я взгляну.

Про петли и круги Вэй Цзи рассказал Цзян Яню еще два года назад.

Услышав это, Вэй Цзи невольно улыбнулся, находя Цзян Яня немного по-детски наивным.

Вэй Цзи во всем был противоположностью Цзян Яня: он тяготился боевыми искусствами, его конечности были не слишком скоординированными, и даже для игры в поло ему требовалось,

чтобы кто-нибудь вел за него коня.

Цзян Янь же в совершенстве владел верховой ездой, стрельбой из лука, цуцзюй и поло, так что мозолей на его руках было гораздо больше.

Его отец целых три года несли службу в Лянчжоу, и как раз тогда он познакомился с одним прославленным юношей из знатного рода. Тот был с ним примерно одного возраста, писал превосходным почерком и тоже прекрасно рисовал.

Мозоли у Вэй Цзи были на указательном и среднем пальцах — сразу видно, что он не выпускает кисть из рук.

У Цзян Яня была судьба абсолютного богача — девять кругов и одна петля, но и у Вэй Цзи судьба оказалась неплохой — семь кругов и три петли.

Вэй Цзи:

— Нарисовал.

Вэй Цзи не удержался от похвалы:

— Ваше Высочество просто поразительны.

Эту фразу в детстве говорила мать Вэй Цзи, а позже он повторил ее Цзян Яню, когда тот в тот день перехватил его руку и принялся пересчитывать завитки.

Язык у него был подвешен плохо, хвалить людей он не умел, но два года назад, узнав, что у Цзян Яня девять кругов, Вэй Цзи похвалил его именно так.

К счастью, Цзян Яня было очень легко умиловить: одна фраза «Ваше Высочество просто поразительны» могла сразить его наповал, ведь ему просто хотелось, чтобы Вэй Цзи знал, что у него всё прекрасно — даже узоры на пальцах.

Он всегда хотел оставаться самым лучшим в глазах Вэй Цзи.

Хоть в душе Цзян Янь невероятно переживал, показывать этого ему совсем не хотелось. Он задрал подбородок:

— Так себе.

Сказав это, Цзян Янь притянул к себе другую руку Вэй Цзи и с любопытством принялся ее

рассматривать, разглядывая по очереди даже лунки на его ногтях.

Вэй Цзи казалось, что даже гадалки по руке не были столь щепетильны.

Все Янгани в период течки такие прилипчивые?

-

Вечером, когда Вэй Цзи уже собирался уходить, Цзян Янь снова посмотрел на него тем же взглядом, что и вчера. Мерцающие огни светильника падали на его тонкие брови и глаза, подкрашенные губы и влажные зрачки, и сам он казался таким жалостливым и одиноким.

Вэй Цзи сглотнул слюну:

— Может... я побуду здесь еще четверть часа?

Цзян Янь миг сбросил с лица все эмоции и рывком втащил Вэй Цзи обратно.

Побув с Цзян Янем еще больше часа, Вэй Цзи, видя, что приближается комендантский час, больше не поддался на жалость, как бы тот на него ни смотрел.

На пятый день Цзян Яню стало намного лучше: у него уже не поднималась временами температура, как в предыдущие дни, но он по-прежнему обожал липнуть к Вэй Цзи.

Вэй Цзи сидел на ложе, а Цзян Янь то и дело кормил его виноградом, то пичкал кусочком пирожного. Из целебного супа, сваренного на кухне, Цзян Янь неизменно отливал ему полпиалы. Стоило Цзян Яню утомиться — он засыпал, а проснувшись — снова принимался его кормить. Вэй Цзи был вынужден съесть немало еды и чувствовал себя объевшимся целый день напролет, так что даже посреди ночи съеденное так и не переварилось.

Период течки наконец завершился, и Вэй Цзи, облегченно выдохнув, отправился в Восточный дворец в привычное время.

Когда он добрался до книгохранилища, было еще рано; небо украшал блеклый серп убывающей луны. Цзян Янь и тафу еще не пришли, и Вэй Цзи оказался первым.

В книгохранилище топили подземные печи, в уголке курилась легким белым дымком ароматическая палочка. Снаружи свирепствовал холодный ветер, но в помещении стояло тепло и светло.

Вэй Цзи открыл классические трактаты, которые объяснял тафу накануне, и с полчаса

занимался повторением, после чего поднялся и с помощью ручной грелки согрел сиденье Цзян Яня, чтобы, когда тот придет, ему было тепло садиться.

Остальные стали подтягиваться один за другим. Оба наследника знатных родов явились с синебагровыми лицами, растеряв прежнюю спесь, и уныло уселись по своим местам.

Вэй Цзи украдкой бросил на них взгляд и тут же отвел глаза.

В тот день, когда его заперли в книгохранилище, Цзян Янь пришел в ярость и, увидев продрогшего Вэй Цзи, приказал заключить трех зачинщиков под стражу, чтобы выпустить пар ради Вэй Цзи.

Услышав, что их непутевые сыновья разозлили наследного принца, те трое дома снова подвергли их суровому семейному наказанию.

Фан Иань понес самое тяжелое наказание: Цзян Янь запретил ему появляться в Восточном дворце, и с тех пор соучеников осталось трое вместо четырех.

Хотя у Вэй Цзи был мягкий характер, он вовсе не был лишен гордости, и, видя их наказание, в душе он чувствовал приятное злорадство.

Он с Фан Ианем вечно не ладил, и тот, видя, как Цзян Янь благоволит Вэй Цзи, постоянно цеплял его при каждом удобном случае.

В глазах Фан Ианя Вэй Цзи вечно выдумывал всякие фокусы и дешевые штучки лишь бы угодить Его Высочеству, и методы его были крайне низкими.

Вот только Его Высочество как раз падок на такие фокусы Вэй Цзи, и Фан Иань, видя, как Вэй Цзи, всегда стоявший ниже него, пользуется все большим расположением Цзян Яня, от зависти чуть глаза не стер.

Теперь же пришлось пожинать горькие плоды, и Вэй Цзи мстительно подумал — так им и надо.

Вэй Цзи и раньше жил с этими двумя сылками по принципу невмешательства, а после случившегося и вовсе не желал иметь с ними дел. Он занимался своими делами и не заводил с ними разговоров.

Те двое тоже чувствовали себя униженными, склонившись над партами и делая вид, что усердно учат книги.

Именно эту картину увидел вошедший Цзян Янь: все трое сидели по отдельности, и лишь при открывании дверей легким движением колыхнулись светильники по углам.

Все трое встали и одновременно поприветствовали Цзян Яня:

— Ваше Высочество.

Цзян Янь был облачен в черные одежды, стянутые кожаным поясом, а с его бровей и глаз исчезла вчерашняя нежность — в них читалась суровая, леденящая холодность. Он бросил случайный взгляд на тех двух наследников.

У обоих по спине пробежал холодок, они невольно втянули головы в плечи, пригнувшись еще ниже.

Лишь Вэй Цзи почувствовал облегчение оттого, что Цзян Янь вернулся к своему обычному нраву — в прошлые дни тот вел себя слишком странно, и Вэй Цзи чувствовал себя не в своей тарелке.

Цзян Янь предупредил их:

— Если вы еще хоть раз посмеете обидеть Вэй Цзи, отделаться просто ночным арестом не выйдет.

Лица обоих помрачнели: в душе они были готовы разорвать на куски подавшего дурной совет Фан Ианя.

Больше не обращая на них внимания, Цзян Янь прошел к своему столу.

На его месте лежала мягкая подстилка, вышитая золотыми нитями, которую Вэй Цзи уже согрел грелкой. Усевшись, Цзян Янь оглянулся на стоящего позади Вэй Цзи.

Вэй Цзи тоже поднял на него взгляд, но Цзян Янь тут же отвернулся, а через мгновение снова посмотрел на него, поджав губы и задрав подбородок, словно гордая благородная девица.

От такого взгляда у Вэй Цзи почему-то защемило сердце, хотя ничего особенного не происходило.

Лишь когда появился тафу, Цзян Янь выпрямился и вместе с Вэй Цзи и остальными совершил приветственный поклон скрещенными руками.

-

Сегодня тафу вновь читал им классические трактаты и принялся выборочно проверять, как они усвоили науку.

Цзян Янь тяготился боевыми искусствами, а к учебе усердия не проявлял. Заметив, что тот не может ответить, тафу не рассердился, а неожиданно назвал имя Вэй Цзи.

Вэй Цзи торопливо поднялся и почтительно отвесил тафу поклон.

Тафу был облачен в кисейного цвета чиновничье одеяние, широкие и развевающиеся полы которого источали истинный дух ученого мужа — благородный и безупречный.

Он мягко посмотрел на Вэй Цзи, но слова его прозвучали предельно прямо:

— Ты — соученик Его Высочества. Раз Его Высочество не постиг смысла, объясни-ка ему от моего имени еще раз.

У Вэй Цзи вмиг онемела половина головы, и он невольно посмотрел на Цзян Яня.

Тафу не впервые использовал его, чтобы шпынять наследного принца: подобные соученики как раз и нужны были для того, чтобы подстегивать наследника к усердию и тяге к знаниям.

В прошлых династиях находились бесчисленные соученики, получавшие палочные удары за то, что наследники плохо учились, однако при нынешней династии такого обычая не водилось.

Остальных троих тафу тоже не раз поджаривал на таком огне, но использовать Вэй Цзи против Цзян Яня действовало лучше всего.

Разумеется, лицо Цзян Яня потемнело. Он бросил на тафу исподлобья тяжелый взгляд, после чего перевел глаза на Вэй Цзи.

Вэй Цзи слегка заикнулся, но все же ответил четко и аккуратно: под влиянием конфуцианских постулатов он безмерно уважал тафу и не смел ослушаться.

Тафу кивнул, похвалил Вэй Цзи, а затем повернулся к Цзян Яню.

Тон его оставался мягким, а в глазах не было и следа упрека — он миролюбиво спросил:

— Понял ли Ваше Высочество? Если непонятно, пусть Вэй Цзи объяснит еще раз.

Как бы ни буйствовал Цзян Янь, спорить с тафу он не смел. Сильно нахмурившись, он глухо бросил:

— Понял.

Отчитав Цзян Яня, тафу больше ничего не стал добавлять, велел Вэй Цзи сесть, и на этом инцидент был исчерпан.

После урока Цзян Янь с кислым лицом сидел за партой, а его сведенные брови выдавали крайнее раздражение.

Вэй Цзи неторопливо собирал книги, то и дело украдкой поглядывая на Цзян Яня.

Понимая, что у наследного принца дурное настроение, оба знатных наследника предпочли тихонько умыкнуть.

Цзян Яню предстояло еще одно занятие: тафу должен был отдельно преподать ему искусство управления государством.

Заметив, что Вэй Цзи собирается уходить, Цзян Янь издал хриплый звук.

Из-за этого звука Вэй Цзи врос ногами в пол и, помедлив немного, принялся уговаривать:

— Ваше Высочество, все же стоит усердно учиться.

Цзян Янь с силой отвернулся в сторону. Профиль его лица, освещенный редким дневным солнцем из окна, казался невероятно красивым, а тонкие губы сжались в ниточку.

Спустя мгновение он упрямо бросил:

— Кто сказал, что я плохо учусь? Я просто на мгновение забыл, а стоило тебе сказать — и я сразу вспомнил.

Вэй Цзи уже привык ублажать его и, услышав это, поспешно произнес:

— Я знаю, Ваше Высочество всегда были смышленным. Если впредь что-то вылетит из головы, Ваше Высочество может спросить меня, мы повторим вместе.

Цзян Яню нравилось, когда Вэй Цзи произносил впредь, ему нравилось чувствовать, что они всё делают вместе.

Уголки его губ разгладились, на смену мрачной хмурости пришло легкомысленное облегчение, и он фыркнул:

— Я знаю.

<http://bllate.org/book/18661/1799237>